

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В АНГЛИИ

(К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИЛЛАНСТВА ОБЩЕГО ПРАВА)

М. А. Барг

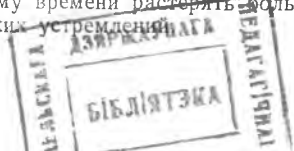
Вилланы — преобладающая часть крестьянства средневековой Англии, основной производящий и эксплуатируемый класс ее населения. В институте вилланства воплотились самые существенные особенности феодального способа производства в этой стране в пору его высшего расцвета. Очевидно, что в судьбах вилланства заключается центральная проблема социальной истории Англии на протяжении более чем трехвекового периода — от нормандского завоевания до восстания Уота Тайлера.

Известно, что наиболее крупный вклад в разработку этой проблемы внес П. Г. Виноградов. Выдвинутая им в конце прошлого века концепция происхождения и особенностей английского крепостничества (вилланства)¹ сыграла в свое время в высшей степени плодотворную роль в социальной историографии средневековья, и не только английского. В ней мы вправе усматривать лучшее, что было создано буржуазной исторической и социологической мыслью на рубеже двух столетий. Недаром эта концепция и поныне не только остается господствующей в западноевропейской науке, но даже стала у ее сторонников из среды буржуазных ученых своего рода «мерилом» при оценке всех новых исследований в данной области.

Между тем для историка-марксиста очевидно, что в ходе дальнейших научных изысканий прогрессивные черты концепции Виноградова постепенно «изживали» себя, утрачивали свою остроту и актуальность. Те же ее черты, которые были обусловлены узостью буржуазного мировоззрения Виноградова, и в частности — ярко выраженный юризм его «исторического метода», тяготея над современной научной мыслью, тормозят дальнейшее исследование интересующей нас проблемы. В самом деле, вряд ли даже самый консервативный ученый наших дней станет отрицать основную идею Виноградова — генетическую связь между вилланом — английским сервом «общего права» XIII в., с одной стороны, и кэрлом — свободным и полноправным общинником англо-саксонской эпохи — с другой. В то же время даже прогрессивные историки Запада все еще находятся под влиянием недостаточных, а временами явно ошибочных построений Виноградова относительно самого процесса становления вилланства, его ведущих тенденций, его сущности. К тому же этот процесс Виноградовым скорее постулирован, чем исследован. Его «Вилланство в Англии» посвящено прежде всего XIII в., а обещанный им второй том, в котором предполагалось осветить нормандское завоевание и англо-саксонскую эпоху, так и не появился².

¹ См. П. Г. Виноградов. Исследование по социальной истории Англии в средние века. СПб. 1887; его же. Villainage in England. Oxford. 1892.

² Хотя последующие работы Виноградова, «Рост поместья» (1905) и «Английское общество в XI в.» (1908), тематически и являются выполнением этого обещания, однако они вдохновлялись уже иными идеями и мотивами. Пафос «Вилланства в Англии» был навсегда утрачен, так как его автор успел к тому времени растерять большую часть своих «народнических» и либерально-романтических устремлений.

Вкратце концепция Виноградова сводится к следующему. Английское крепостничество, как в значительной мере и вся манориальная система, явилось продуктом нормандского завоевания. Последнее свело все разнообразие социально-экономических связей, существовавших в донормандской англо-саксонской деревне, к универсальному подчинению (subjection) манору, а столь же расчлененную по своему положению массу лично свободных кэрлов — к универсальному статусу виллана феодальной вотчины. Именно завоевание, по мнению Виноградова, слило свободных и несвободных в общую массу вилланства; следы этого недавнего смешения различных категорий сельского населения в «реторте манора» сохранились в держательской терминологии Книги Страшного суда. За исключением разве термина *servus*, она лишена какой-либо юридической определенности, это, если можно так выразиться, лишь «первозданная туманность», из которой только с течением времени должна была выкристаллизоваться классификация держаний писцовых книг XIII века³.

Но что же было решающим в этом процессе, какие факторы лежали в его основе? Виноградов видит их в политических и юридических результатах завоевания. Наиболее важная роль приписывается юристам. Завоевание создало общее право (*common law*) и королевские суды. Чтобы унифицировать условия крестьянского подчинения, юристы воспользовались римским правом с его «враждебными крестьянской свободе» тенденциями, а также нормандским правом с его особой приверженностью к процессуальным формам и развитой королевской юрисдикцией. Решающим для судеб крестьянства актом был отказ королевских судов рассматривать по существу иски вилланов. «Отказ в юрисдикции,— заключает Виноградов,— можно считать центральным фактом (!) в движении в пользу рабства»⁴.

Таким образом, вся концепция вилланства у Виноградова построена на формально-юридическом подходе к анализу существа социального процесса. К тому же на ней лежит явный отпечаток либерально-вигской традиции с ее идеализацией древней, «донормандской свободы». Поскольку это относится к англо-саксонской эпохе, степень этой идеализации достаточно хорошо выяснена в советской историографии⁵. Теперь назрела настоятельная необходимость установить связь между новыми представлениями о состоянии англо-саксонского общества в первой половине XI в. и его изображением в кадастре Вильгельма I — Книге Страшного суда. Тогда в новом свете предстанет и роль нормандского завоевания в процессе феодализации страны.

Настало время попытаться преодолеть очевидное противоречие в нашем представлении о завершенности (к концу XI в.) феодальной структуры господствующего класса Англии, с одной стороны, и будто бы совершенно неустоявшейся и различной форме производственных отношений в этой стране — с другой⁶.

Итак, вилланство привлекло наше внимание как отчетливо обрисованный правовыми нормами социальный институт, олицетворявший основное производственное отношение эпохи и, следовательно, заключавший в себе ее основные социальные противоречия. С этой точки зрения трактовка вилланства в «общем праве» может рассматриваться как «юридическое представление» класса феодалов о господствовавшем в стране способе производства. Так как феодальные производственные отношения неизбежно принимают форму личной зависимости⁷, то в отли-

³ См. P. Vinogradoff. *Villainage in England*, pp. 131, 133, 209.

⁴ Там же, стр. 131.

⁵ См. А. Я. Гуревич. *Крестьянство Юго-Западной Англии в донормандский период*. М. 1950 (кандидатская диссертация); М. Н. Соколова. *Общественный строй Кента и Уэссекса в VII—X веках*. М. 1951 (кандидатская диссертация).

⁶ Здесь и ниже имеем в виду прежде всего среднеанглийские графства.

⁷ См. К. Маркс. *Капитал*. Т. I. Госполитиздат 1955, стр. 83—84.

чие от буржуазных отношений производства, выступающих прежде всего как отношения вещные, они уже на очень ранней стадии своего развития должны быть так или иначе закреплены, то есть сформулированы в праве. В то же время марксистское понимание права как «отражения» данного способа производства, как «перевод» его отношений в юридические принципы⁸ необходимо предполагает известное отставание права⁹ от хода социально-экономической эволюции. Следовательно, наша задача заключается в том, чтобы проследить, когда, на какой стадии своего развития новая социальная действительность получила «доступ» в традиционное правосознание с тем, чтобы, отразившись в нем, вначале в качестве противоречия с господствовавшими до тех пор юридическими принципами, стать затем отправным пунктом ломки этих принципов и пересоздания права на новой основе.

Конец англо-саксонского периода характеризуется поразительным «отставанием» господствовавших юридических принципов от социально-экономической действительности.

«Законы Кнута» продолжают исходить в основном из того же водораздела между «свободой» и «несвободой», который был зафиксирован за четыре века до них в законах Этельберта¹⁰. Этот водораздел проходит между простым свободным — кэрлом, с одной стороны, и рабом (theow) — с другой. Если отвлечься от различных модификаций свободы, которые с течением времени привносились в нее принципом знатности, то англо-саксонское общество, согласно «королевскому законодательству», предстанет перед нами (даже в канун нормандского завоевания) как общество, в котором феодальные отношения еще мало затронули общину свободных земледельцев. Между тем сотни грамот свидетельствуют о том, что именно эта община выступает не как субъект прав, а как объект королевских пожалований, как сфера частного права — бокленд, — разделенная между различными его носителями, то есть как община, находящаяся в феодальной по своему существу зависимости¹¹. Факт отставания «королевского права» от социальной действительности станет еще более очевидным, если мы обратимся к уникальному памятнику обычного права XI в. — к «*Rectitudines singularium personarum*»¹², — ибо в нем рисуется типическая раннефеодальная вотчина, которой, по существу, уже неизвестен феодально-независимый, свободный земледelec¹³.

Если дошедшие до нас англо-саксонские памятники не могут служить основанием для ответа на вопрос, в какой мере отношения, рисующиеся в «*Rectitudines*», были типичны (к 1066 г.) для среднеанглийской деревни в целом, то тем большее познавательное значение приобретает Книга Страшного суда (1086 г.). Самым поразительным в ней является не новая

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат. 1953. стр. 428 (Энгельс — Шмидту 27 октября 1890 г.).

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 300. Правовые формулы имеют свойство застыть, а это приводит к применению их к таким условиям, в которых они уже успели стать неадекватными.

¹⁰ Aethelberht. c. 4 frigman; c. 6 frigne mannan противопоставляется рабу, — c. 11 theow. Cp. II. Cnut, c. 45, 1; c. 45, 2. F. Liebermann. Die Gesetze der Angelsachsen. Band I. Halle. 1903.

¹¹ См., например, A. I. Robertson. Anglo-Saxon charters. Cambridge. 1939.

¹² F. Liebermann. Указ. соч., стр. 445.

¹³ См., например, Survey of the manor of Tidenham. Glouc. in A. I. Robertson. Указ. соч., стр. 40. Вообще в англо-саксонских грамотах мы находим уже всю основную манориальную терминологию: hame — манор (см. A. I. Robertson. Указ. соч., стр. 114, № LV); inland — домен (см. там же, стр. 204, № CIX); gesettes landes — оброчные держания (см. там же, стр. 240, cp. W. de Gray Birch (ed.). Cartularium Saxonum. Vol. II. London. 1887, № 594; «Yorkshire surveys. 1023—1064», Ed. W. A. Stevenson. EHR. Vol. XXVII (1912).

феодалная терминология, хотя она сама по себе означала переворот в традиционном правосознании страны¹⁴, а то, каким верным ключом эта терминология оказалась для истолкования английской действительности, как легко и моментально она привилась на этой почве. Положив в основу юридической классификации сельского населения принцип феодальных поземельных отношений, комиссары Вильгельма Завоевателя скорее лишь отчетливо выразили в терминах сеньериального права отношения реальной действительности, чем производили ломку этой действительности.

Так как очевидно, что всякая ломка устаревших и не соответствующих уже новым условиям юридических принципов могла совершаться только «сверху», то есть только путем проявления «осознанной» или «несознанной» воли стоявшего у власти класса, то сама «Великая опись» 1086 г. должна рассматриваться как первый, огромного значения шаг по пути к преодолению указанного противоречия англо-саксонской эпохи¹⁵.

Имея в виду Англию в целом, можно признать, что этот процесс был двусторонним. Он означал, с одной стороны, приведение реальной действительности в соответствие с «концепцией права» завоевателей¹⁶, с другой стороны, нововведение в области самого права. Однако в пределах территории центральных, западных и юго-западных графств, и прежде всего территории Уэссекса, как это следует из данных Книги Страшного суда (Domesday Book), первая часть этой задачи была уже в основном решена. К моменту составления Книги Страшного суда манориальная система феодальной эксплуатации — вотчина типа «Gutherrschaft» — в этих графствах уже глубоко укоренилась и повсеместно распространилась¹⁷, что, естественно, не могло произойти за каких-нибудь два десятилетия, отделявших появление Книги Страшного суда от битвы при Гастингсе. Следовательно, не реальная действительность должна была поразить здесь завоевателей, ибо вряд ли она во многом отличалась от того, что было им знакомо на родине, а полное несоответствие отражения этой действительности в праве.

Характерно, однако, что ломка «традиционного права» совершалась пришельцами при вынужденном обещании «сохранить» «законы Эдуарда». Поэтому она не могла быть произведена моментально и вылилась в постепенное «пересоздание» этого права на новой основе — на основе «права манориального».

Именно в этом смысле — и, пожалуй, только в этом смысле — в Книге Страшного суда можно усмотреть «совершенно новый» отправной пункт в эволюции английского средневекового общества¹⁸. Прежде всего это сказалось в новой «держательской» терминологии. Комиссары Вильгельма I вместо традиционных кэрлов, гебуров, генитов увидели в английской деревне две основные категории населения: «вилланов» и «свободных». Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить, как расшифровывается в анкете 1086 г. вопрос *Quot hominum? — Quot villani, quot cotarii, quot servi, quot liberi homines, quot sochemanni?*¹⁹. Уже сама последовательность этого перечня с предельной ясностью показывает наличие двух ука-

¹⁴ Можно было бы заметить, что на фоне тех же «Rectitudines» в этом нельзя усмотреть ничего нового. Однако с таким мнением трудно согласиться хотя бы потому, что комиссары 1086 г. проводили эти принципы в масштабах целой страны.

¹⁵ Конечно, этот процесс рано или поздно совершился бы естественным путем, и завоевание его лишь ускорило. См. К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. Журнал «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 164. Ср. F. M. Stenton. *Anglo-Saxon England*. Oxford. 1943, p. 676—677.

¹⁶ См. P. Vinogradoff. *Villainage in England*, p. 209; ср. F. Maitland. *Domesday Book and Beyond*. Cambridge. 1897, p. 321.

¹⁷ F. M. Stenton. Указ. соч., стр. 309—310; ср. «Rectitudines», с. 4. *gebures gerichte*. Сведения о барщине в Книге Страшного суда. См. ниже.

¹⁸ F. Pollock and F. W. Maitland. *History of English law*. Vol. I. Cambridge. 1898, p. 69, 79.

¹⁹ См. N. Hamilton (ed.). *Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis. Subjicitur inquisitio Eliensis*. Londini. 1876, p. 191.

занных разрядов держателей²⁰. Первый начинается с вилланов, второй — со «свободных людей», и как бы для того, чтобы наметить, где проходит водораздел между этими разрядами, перед «*liberi homines*» помещены «*servi*». Уже то обстоятельство, что вместе с сервами за одну скобку вынесены не только коттеры и бордарии, но и вилланы (юридически лично свободные люди²¹), позволяет не только вскрыть принципиальное отличие классификации сельского населения по Книге Страшного суда от классификации его по «традиционному праву», но и понять основания для этого нового подхода. Этим основанием служил характер производственного, рентного отношения между сельскими жителями и манором²². Манор являлся в глазах завоевателей своего рода фокусом общественного строя. Из этого центра они и смотрели на окружающий мир: на пахотные поля, луга, пастбища и леса, а также и на людей, живших и трудившихся на них²³. Все это так или иначе было принадлежностью манора, его *regimentia*.

Выше уже было замечено, что Книга Страшного суда исходила из отношений феодальной поземельной собственности. Теперь это положение может быть уточнено: в DB понятие «свободы» поставлено в тесную взаимосвязь с общественной функцией ее носителя, иначе говоря, с его функцией в процессе феодального производства, с характерным для последнего «разделением труда»²⁴. Заменяв градуированную, многоступенную «свободу» англо-саксонских законов градуированной зависимостью, характерной для феодального общества, и расчленив эту зависимость, исходя из функции держателя в манориальном производстве, Книга Страшного суда в подлинном смысле слова заложила основания концепции вилланства общего права. Говоря о «манориальном производстве», мы имеем в виду, что критерием для определения статуса являлась не феодальная рента вообще, а та форма ренты, которая была господствующей в типическом маноре XI в., — барщина²⁵.

Имея в виду Англию в целом, комиссарам Вильгельма I, конечно, приходилось иногда применять этот принцип не только в условиях большого разнообразия форм ренты, но и далеко еще не завершенной манорализации деревни вообще. Наличие манора они подчас усматривали там, где находился центр юрисдикции или администрации, а «феодальную ренту» — в платежах, по своему изначальному существу далеко не феодальных²⁶. Тем не менее удивительно не то, что такая унификация имела место, — сама опись многообразной действительности под одним и тем же углом зрения не могла не означать схематизации и «упрощения» ее. Более поразительно то, насколько социальный строй деревни на значительной части территории страны укладывался уже в формы правосознания завоевателей, насколько господствовавшие в ней отношения уже были подготовлены к применению чисто феодаль-

²⁰ F. W. Maitland. Указ. соч., стр. 24.

²¹ *Leges Henrici I*, c. 70 *tywhindi, id est villani*. Cp. *Instituta Cnuti II 15, I villani... quem Angli vocant ceorlman*.

²² В этом смысле и следует понимать термин «*rusticus*» конца XI в. См. EHR. Vol. XLIV, № 176 (1929), p. 620. In *Sanford tenent villani VIII hidas*. Cp. там же... *Ez his tenent rustici VI hidas*.

²³ См. N. Hamilton. Указ. соч., стр. 191.

²⁴ Это с очевидностью явствует не только из наличия в описи представления о «низких повинностях» (см. *Domesday Book, Vol. I, f. 172 b₂ «et reddebat inde omnes consuetudines... exсepto rustico opere»*), но прежде всего из факта систематической классификации держателей манора по этому принципу. (*Domesday Book*, далее сокращенно DB.)

²⁵ См. сведения о барщине в DB. Vol. I, f. 179 b. «... in dominio sunt IIII carucae et XXVI villani et X bordarii cum XL carucis, hi villani arant et seminant de proprio semine...». Cp. там же, стр. 180.

²⁶ P. Vinogradoff. *English Society in the eleventh century*. Oxford. 1908, p. 316 ff.; D. C. Douglas. *The Social Structure of medieval East Anglia*. Oxford. 1927, p. 131 ff.

ного принципа юридической классификации населения.

Тот факт, что комиссары 1086 г. могли от поселения к поселению указать точное число наделов «вилланов», «бордариев», «коттеров», свидетельствует о наличии к тому времени развитой барщинной системы с характерной для нее градацией крестьянских наделов по типу тягла: «наделы» с «пашущими волами» (вилланы) и «наделы», отбывающие только «ручную барщину» (коттеры)²⁷. Но если это так, то мы получаем наглядное свидетельство тому, что именно характер ренты служил в Книге Страшного суда основой для обозначения того или иного держателя «вилланом», «коттером», «сокменом» и т. д.

Таким образом очевидно, что к ломке общественного строя англосаксов привело не нормандское завоевание, а появление манора задолго до этого. Завоевателям осталось завершить этот процесс главным образом в области надстройки, в частности в праве. Эта точка зрения полностью подтверждается данными одной из ближайших к Книге Страшного суда описей — описи владений Питерборокского аббатства начала XII в. (1125—1128), являвшейся как бы более поздней версией DB. Указав, сколько в маноре гайд, и распределив по образцу DB каруки между «домоном» и «людьми манора», писцы, составлявшие эту опись, упоминают затем «полюных вилланов», «полувилланов», бордариев или коттеров. Следовательно, вся система наделов классифицирована здесь по роду и количеству повинностей, причитавшихся манору.

Однако, несмотря на то, что в Книге Страшного суда вилланы оказались по характеру своей производственной функции в одном ряду с рабами (*servi*), они еще не слились в единый правовой разряд. В то время как статус вилланов уже определялся феодальным правом (именно поэтому они противопоставлены «*liberi homines*»), статус рабов еще определялся принципами старого, «народного права». Таким образом, в Книге Страшного суда отражен любопытнейший этап в формировании английского вилланства: твердо установив на манориальной основе состав этого класса, его внешние рамки, комиссары Вильгельма I еще оставили этот класс расчлененным по принципу юридического статуса.

Противоречие заключалось не только в том, что одни люди были отнесены к «вилланам», а другие к «сервам» на основе совершенно различных принципов, но и в том, что статус самих вилланов отличался двойственностью. В зависимости от характера источника они могут быть либо причислены к свободным, либо противопоставлены им так же, как и сервам. Естественно, что в зависимости от точки зрения — «публично-правовой» или «манориальной» — свободные люди предстают в документах конца XI — начала XII в. то как основная масса деревенского населения, то как крайне немногочисленная часть его²⁸. Исследователи, целиком поглощенные лишь стремлением доказать изначальную свободу земледельца Англии, акцентируют свою аргументацию именно на том, что вилланы 1086 г. юридически еще были противопоставлены сервам²⁹. Но при этом они не замечают нового качества этой свободы.

²⁷ Как известно, в описи графства Middlesex приводятся «размеры» вилланских наделов в акрах. При этом поражает строгая симметрия этих наделов. См. DB. Vol. I, ff. 127a и сл.; Ср. *Inquisitio Eliensis* (ed. N. Hamilton), p. 115, *Witteleseia. Octo villani quisque de XII acris*.

²⁸ В юридических компиляциях конца XI—начала XII в., как мы видели, термин «*villanus*» все еще олицетворял простого свободного, подобно тому, как его олицетворял кэрл в англо-саксонскую эпоху. Однако ср. DB. Vol. II, f. 1. «*Benilet in hoc manerio ...erat ...quidam liber homo ...qui modo effectus est unus de villanis*».

²⁹ Предвестниками будущего следует считать те, по-видимому, многочисленные случаи, когда в дни «Великой описи» считали возможным рабов причислить к другим разрядам держателей. Иначе нельзя объяснить то обстоятельство, что по всему Гентингдонширу не зафиксировано ни одного раба. Кроме того, сервы фигурируют в DB в качестве «бовариев» (см. Vol. I, f. 175b), «котариев» и «бордариев» (см. Vol. I, f. 175a) «*ibi sunt... XXVII bordarii servientes curiae*». Нет сомнения, что немало сервов оказалось и в числе Domesday Book вилланов. Ср. F. W. Maitland. Указ. соч., стр. 34.

Это была уже свобода, если можно так выразиться, о с т а т о ч н а я, лишённая фактической основы, чисто формальная — льющийся свет исчезнувшей звезды.

Конечно, в Книге Страшного суда еще нет никаких признаков позднейшей точки зрения, которая позволит увидеть в статусе виллана все юридические признаки раба. Вместе с тем нельзя отрицать и того факта, что предпосылки этой точки зрения были заложены именно в Книге Страшного суда — в ее классификации жителей деревни по «манориальному» принципу. «Villanus» DB — это, конечно, еще не технический термин «общего права» той поры; в рамках его им можно еще назвать сельского жителя (tunman) вообще³⁰. Но это определенно уже термин сеньериального (манориального) права — образец перемены в статусе земледельцев, рассматриваемого отныне сквозь «манориальные очки». Это и естественно, так как феодальное правосознание в процессе своего становления проявляется прежде всего в качестве права манориального (Consuetudo manerii). И уже от условий места и времени будет зависеть, когда и насколько последнее пробьет себе дорогу в сферу права национального, «общего».

Итак, Книга Страшного суда фиксировала ту стадию формирования английского феодального права, когда, с одной стороны, возникло явное несоответствие между единовременно введенной «сверху», юридически завершенной системой правоотношений внутри господствующего класса (военно-рыцарский лен) и юридически недоразвитой, многоликой (на «окраинах») системой правоотношений антагонистических классов общества, а с другой стороны, имело место такое же несоответствие между давно уже утвердившейся (на значительной части территории страны) манориальной системой эксплуатации и совершенно неадекватным юридическим обобщением — формулировкой основ этой эксплуатации.

Как уже отмечалось выше, сама «Великая опись» 1086 г. явилась значительным шагом по пути преодоления этого противоречия. «Сословные ряды» этой описи явились отправным пунктом в процессе становления позднейшей концепции вилланства. Подтверждением этого основополагающего для нас факта могут служить прежде всего результаты сравнительного анализа данных Книги Страшного суда и Сотенных свитков 1279 г.— Rotuli Hundredorum — по вопросу о вилланском составе вотчин. Естественно, что два века, разделяющие наши источники, — слишком большой срок даже для «малоподвижных» социальных институтов феодализма, и поэтому такое сопоставление по всем фиксированным в 1086 г. вотчинам оказалось невозможным. Тем ценнее свидетельства тех описей, а их оказалось без малого четыре десятка, сопоставление которых дает возможность сделать определенные неопровержимые выводы. Ограничимся для данного случая сведениями по Оксфордширу (см. след. стр.).

Еще Виноградов, а вслед за ним и Стентон³¹, как мы видели, не допускали и мысли о том, что под термином «villanus» в Книге Страшного суда скрывается определенное «техническое» содержание. Аргумент против такого допущения они видели, между прочим, в том, что в «числе» вилланов DB фиксирует вообще не держателей, а держания. Но для нашей таблицы это оказалось безразличным, ибо если «villani» DB — это «держания», то, следовательно, их статус в манориальном праве был уже твердо установлен, что свидетельствует не только о преемственности экономического строя манора; точное совпадение числа вилланов в DB и RH (в тех случаях, когда внешние границы манора и внутренняя его структура остались неизменными) говорит прежде всего о том, что в той же мере, в какой «надельная система» 1279 г. восходит к Книге Страшного

³⁰ См. выше. Ср. P. Vinogradoff. Villainage in England, p. 209. F. M. Stenton. Anglo-Saxon England, p. 471.

³¹ P. Vinogradoff. Указ. соч., стр. 209; F. M. Stenton. Указ. соч. стр. 471.

суда, вилланы 1279 г. по своей манориальной функции прямо и непосредственно восходят к вилланам Книги Страшного суда.

Источник	1086 Назв. манора	Число вилланов	1279 Источник	Число вилланов или число вилланских наделов
Оксфордшир				
Domesday Book, Vol. I, f. 156 a	Chersitone	4	Rotuli Hundredorum II p. 854	4 villani
»	161 a Chidintone	3	» p. 877	3 »
»	160 b Welde	3	» p. 688	3 »
»	158 b Esthale	24	» p. 694	12 (свед. для полманора)
»	155 a Middeltone	24	» p. 820	24 villani
»	160 a Meretone	19	» p. 821	19 »
»	158 a Estone	26	» p. 735	26 vg. (terra villanorum)
»	155 b Feringeford	18	» p. 829—7	18 villani
»	158 b			
»	159 a } Nortbroc	9	» p. 832—7	9 »
»	154 a Eltone	10	» p. 716	10 vg. (terra villanorum)
»	158 b Perejun	18	» p. 725	18 villani
»	159 b Cestretone	22	» p. 729	22 »
»	158 a Chedelintone	32	» p. 736	16 (свед. для полманора)
»	155 a Parva	12	» p. 744	12 villani
	Rollandri			
»	160 b Ropeford	7	» p. 755	7 vg. (terra villanorum)
»	159 b Draicote	5	» p. 757	5 »
»	155 b Britewelle	5	» p. 765	5 villani

Юридическая трактовка их статуса, конечно, была различной, но только постольку, поскольку мы ее будем искать в сфере «общего права». Нет ни малейшего сомнения, что в сфере манориальной обычая, то есть по своему реальному содержанию, она была уже полностью тождественна. И далее, то обстоятельство, что надельная система, иначе говоря, система тягла-барщины 1279 г., утвердилась уже в 1086 г., дает твердое основание заключить, что виллан DB (держатель барщинного надела) рассматривался в рамках указанного манориального права как человек, крепкий к земле³². Наконец, точное совпадение числа вилланов в 1086 и 1279 гг. свидетельствует о том, что строить догадки о сколько-нибудь значительном числе «свободных», будто бы скрытых за этим юридически «неопределенным» термином DB, — значит искать прибрежище свободы там, где ее уже давно не было.

О том, что линией «villani — bordarii — servi» в Книге Страшного суда были намечены внешние контуры будущего вилланства XIII в., говорит и последующая судьба «бордариев». Как отмечалось уже в другой связи³³, «бордарии» Книги Страшного суда в абсолютном большинстве случаев в XIII в. оказываются определенным имущественным разрядом класса вилланов, как правило, ферделями, реже полувиригата-риями³⁴. Этот многозначительный факт устанавливается во всех тех случаях, когда имеется возможность сопоставить описи 1086 и 1279 годов³⁵.

³² Не об этом ли свидетельствуют грамоты конца XI — начала XII в., раздаривающие вместе с землей и «вилланов»? См., например, W I (1087) «Concedo eciam... in Essexia ecclesiam de Ferdham... et unum villanum; in Erleiga similiter decimam et unum villanum». См. EHR. Vol. XL, № 157 (1925), p. 74. Ср. там же. Milionus Crispin дарит в 1110 г. аббатству de Bec — «nam virgatam terre cum uno rustico (apud Wottesdunam) idem Milo concessit unam virgatam terre cum uno rustico (apud Eathropum)».

³³ См. М. А. Барг. Кто такие «бордарии» Книги Страшного суда? «Средние века». Вып. IV. 1953, стр. 134.

³⁴ Там же, где в Книге Страшного суда коттеры отдельно не фиксированы, их следует также искать под названием «бордариев».

³⁵ Приведем некоторые из этих свидетельств:

Domesday Book		Число	1279	Число вилланов или
Vol. I, f. 199 b	Abiton	5	Rotuli Hundredorum p. 423	5 vill. × 8a
»	195 a Stanton	12	» p. 460	12 vill. × 5a
»	196 b Kenet	5	» p. 504	5 vill. × 15a

Таким образом и судьбы «бордариев» Книги Страшного суда (в XII и XIII вв.) с предельной ясностью подтверждают тот основной тезис, что в DB вилланство как социально-экономическое, рентное отношение выступает как давно уже утвердившийся факт, ибо иначе нельзя объяснить наличие в 1086 г. четко разработанной надельной системы, отвечавшей потребностям барщинного хозяйства даже в момент его высшего расцвета — в XIII веке.

Изучение вопроса о «бордариях» приводит также к заключению, что, по-видимому, не в одних лишь «имущественных различиях» следует усматривать линию водораздела, который отделял их от «вилланов».

Насколько можно судить по результатам сравнительного изучения Domesday Book и Rotuli Hundredorum, «бордарии» 1086 г., как правило, стояли на более низкой ступени «социальной лестницы», находились в большей зависимости от манора. Не исключено, что во многих случаях именно они представляли собой преемников гебуров из «Rectitudines», которые получали от лорда манора не только надел и рабочий инвентарь, но и «усадебу» (Messuagium)³⁶, а временами были просто испомещенными на землю рабами³⁷. Но тем важнее отметить, что если даже и существовали юридические градации между статусом вилланов и бордариев 1086 г., то они очень быстро исчезли, в рамках общего права XIII в. их уже нельзя уловить. Это является лишним свидетельством того, что манориальная функция этих разрядов держателей играла определяющую роль в процессе формирования юридической концепции вилланства.

Однако, может быть, наиболее примечательны с этой точки зрения исторические судьбы «класса» рабов описи 1086 года. Выше было указано, что, несмотря на различие правового статуса сервов и вилланов 1086 г. в сфере традиционного «народного права», в описи они были объединены в один разряд «людей манора» по феодальному принципу. Преодоление этого противоречия составляет, по существу, основное содержание социального и правового развития английского общества XII века. К сожалению, состояние источников таково, что проследить этот процесс можно лишь в самых общих чертах.

Ближайшие к Книге Страшного суда писцовые книги с очевидностью указывают на то, о чем можно было лишь догадываться, изучая Великую опись 1086 года.

Из писцовых книг следует: 1) что основой манориальной системы уже в конце XI в. являлась отработочная рента³⁸; 2) что с утверждением барщинной системы рабы, поскольку они оставались дворовыми, выполняли функции вспомогательные, которые к тому же в случае отсутствия таких рабов должны были перекладываться на плечи людей «свободных». Не удивительно поэтому, что в описях начала XII в. терминологически мы уже не обнаруживаем сервов древнего права, противопоставленных дру-

»	»	198 b Caxton	8	»	»	p. 540	8 vill. × 10a
»	»	191 a Kenton	4	»	»	p. 550	{ 3 vill. × 12a } { 1 vill. — 9a }

Немало преемников «бордариев» оказалось в XII в. среди коттеров—примеры см. М. А. Барг. Указ. соч.

³⁶ Такая возможность подсказана одной примечательной описью манора Winewic (1279). RH. Vol. II, p. 628, где мы находим: «Octo willani... quilibet eos tenet I dim. Virg. terre sine messuagio... Sunt etiam quatuor villani... quilibet eos tenet dimid. Virg. terre cum messuagio». Всего в этой вилле II в. х. $\frac{3}{4}$ vg. sine mess. и 7 в. х. $\frac{1}{2}$ vg. cum mess. Ср. DB. Vol. I, f. 206 a. Еще более интересную параллель дают описи вотчины Gangulvesden (Oxf.) RH II, p. 770 Villani. Hug. Colegrim tenet I dim. Virg. terre cum staur (o) quondam antecessoribus suis tradito. Таких вилланов — 4. В DB I f. 159в не указаны вилланы, а лишь — 4 бордария и 4 серва.

³⁷ См. Leis Willelme, с. 17а, в котором «Bordier» фигурирует как один из разрядов дворовых людей.

³⁸ Chronicon Petroburgense (ed. Th. Stapleton), fol. IX, in Scotere — plenarii villani operantur II diebus in ebdomada; dimidii villani (operantur) — quantum illis contigit et bordarii I die in ebdomada.

гим категориям держателей манора. В рамках манориального права начала XII в. *servi* исчезли, растворились в массе людей манора, слились с теми, кто выполнял аналогичную с ними производственную функцию в маноре³⁹. Итак, в факте «исчезновения» рабов из манориальных описей начала XII в. следует видеть первый реальный результат тех феодально-правовых нововведений, которые были осуществлены завоевателями между 1066 и 1086 годами⁴⁰.

Однако речь здесь идет, по-видимому, лишь об «остаточных сервах». В *Domesday Book* сервы подчас описаны так, что легко устанавливается их тесная связь с «домениальными плугами» (*carucae*)⁴¹. Это дворовые слуги, холопы, принадлежащие в той же степени к инвентарю домена, как и волю, к которым они приставлены⁴². Следовательно, интересы самого барщинного поместья, распространившегося и укрепившегося с нормандским завоеванием, требовали прикрепления раба не к личности господина, а к земле манора, к домену как неотъемлемой его принадлежности.

Среди какой же категории держателей манора XII в. следует искать преемников «производственной функции» рабов Книги Страшного суда? Первая и, по-видимому, типическая форма позднейшей «трансформации» рабов легко устанавливается при сопоставлении Книги Страшного суда и *Rotuli Hundredum*. В значительном количестве случаев поразительно точно совпадает число сервов в маноре 1086 г. и сервильных коттеров в 1279 году. Вот некоторые примеры:

Domesday Book I			Rotuli Hundredum II, p. 716—3 cot.	
>	fol. 157 b	Ambresdone	3 s.	» p. 824—3 »
>	155 b, 161 a	Fertwelle	3 s.	» p. 830—5 »
>	> 156 b	Westone	5 s.	» p. 854—1 »
>	> 158 a	Chersitone	1 s.	» p. 876—6 »
>	> 221 a	Glintone	6 s.	» p. 783—4 »
>	> 160 b	Chenore	4 s.	» p. 832—1 »
>	> 158 a	Notbroc	1 s.	» p. 343—8 »
>	> 152 a	Hamescle	8 s.	

Лучшим свидетельством того, что потомков сервов 1086 г. следует прежде всего искать среди коттеров-вилланов 1279 г., может служить терминология описи манора *Eltesfeld* 1279 года. В то время как надельные вилланы именуются в ней «*custumarii*», коттеры приводятся под титулом «*in servitute tenentes*»⁴³.

Другие формы позднейших «превращений» рабов «народного права» 1086 г. легко установить прежде всего по специфике служб, находившей отражение в самом названии их носителей. Так, в описи питерборосского манора *Acche* мы читаем: «*II bovarii qui tenent X acras et uxores eorum ventant bladum curiae quando dominus eis praecipit*»⁴⁴.

Очевидно, что боварии эти даже с точки зрения права начала XII в. были сервами. Однако в манориальной описи они уже обозначаются по производственной функции — *bovarii*, как приставленные к «пашущим во-

³⁹ На вопрос о том, когда произошло испомещение сервов на землю, можно ответить только, что в основном это произошло до 1086 г. и, по-видимому, до 1066 г., частично же — после 1086 года. Уже судя по англо-саксонским источникам, рабы многим напоминают континентальных «*servi casati*».

⁴⁰ Нет сомнения в том, что столь «единодушное» исчезновение сервов из писцовых книг XII в. было обусловлено тем, что в то время как «Великая опись» в качестве описи «национальной» сохраняла ряд принципов «народного права», в частности в вопросе о рабах, писцовые книги, как описи сенъериальные, полностью основывались уже на манориальном праве, не видевшем юридических различий среди людей манора, обрабатывавших господский домен.

⁴¹ F. W. Maitland, *Domesday Book and Beyond*, стр. 34.

⁴² Там же; ср. P. Vinogradoff, *English Society*, pp. 463—464.

⁴³ См. R. H. Vol. II, p. 720. ср. *Domesday of St. Pauls'*, p. XXIV.

⁴⁴ *Chronicon Petroburgense* (ed. Th. Stapleton), fol. IX.

лам» домена. Таким же является и статус их жен — *ancillae*, — чья связь с усадьбой основана не на «обычае», а на «воле господина»⁴⁵. О том, что под «бовариями» (нередко они именуются *bubulci*) в таких случаях выступают сервы Книги Страшного суда, говорит и сохранившаяся в описи пропорция между числом «домениальных упряжек» и числом «бовариев» — два серва на одну каруку⁴⁶. Преемников сервов 1086 г. следует искать в экстентах XIII в. и под названием «*carucarii*»⁴⁷. Это вариация тех же бовариев. Однако не всегда они были исполнены на коттерских наделах; нередко у них были фердели и полувиргаты, однако в этом случае они освобождались от барщинных повинностей, причитавшихся с вилланов соответствующих разрядов⁴⁸.

Пожалуй, наиболее яркое подтверждение того, что преемников сервов Книги Страшного суда можно встретить и среди держателей вилланских наделов, мы находим в той же писцовой книге питерборосского монастыря. В описи манора *Aldewinle* после фиксации числа вилланов, упоминания священника и двух коттеров составитель продолжает: «*et IIII bubulci quorum tres manent in terra villanorum*»⁴⁹. Очевидно, это было отступлением от правила, ибо правило требовало, чтобы они жили на земле домена.

В экстентах XIII в. обращает на себя внимание категория вилланских держаний, именуемая «*akermannelondes*». О том, что они являлись наделами сервов уже в 1086 г., свидетельствует следующий факт. Известно, что в описи Гентингдоншира 1086 г. сервы отсутствуют. Выше высказывалось предположение, что их следует, по-видимому, искать среди «надельных» крестьян (то есть, что, оказавшись «испомещенными» на землю, они терминологически слились с ними в описях). Сопоставляя описи манора *Warboys* 1086 и 1279 гг., мы обнаружили любопытное совпадение: *Rotuli Hundredorum* сообщают: «*Item sunt in eidem villata de Warboys VI dim. virg. terre que vocantur akermannelondes*»⁵⁰. В Книге Страшного суда указано, что в домене этого манора три каруки⁵¹. Таким образом, мы получаем типичную пропорцию бовариев и «плугов» домена — 2 : 1. Не вправе ли мы заключить, что сервы — держатели этих наделов — были уже в 1086 г. причислены к «вилланам» этого манора? Таким образом, очевидно, что исчезновение сервов из описей XII в. еще не означало, что они юридически растворились среди других категорий держателей манора. Поскольку люди манора рассматривались с точки зрения «манориального права» — *villani, cotarii etc.*, — они считались уже держателями одного порядка, независимо от того, числились ли они «свободными» или «сервильного статуса» — несвободными, крепкими манору⁵². Публичное же право все еще продолжало различать среди них «свободных» и «рабов»⁵³. Не удивительно, что в правосознании начала XII в.

⁴⁵ Ср. там же, fol. X.

⁴⁶ См. там же, fol. XI. *Aldewinle in dominio II carrucae (et) IV. bubulci*. там же. *Ittlingburch — in curia II carrucae (et) IV bubulci*. Ср. P. Vinogradoff. *English Society*, p. 464.

⁴⁷ Ср. DB. Vol. I, f. 155a *Neuton — V servi*; RH. Vol. II, p. 761 — *villani... servi Thom. Turman tenet dim. virgat. terre et debet tenere carucam domini*.

⁴⁸ Ср. *Registrum Wigorniensis* (ed. W. Hale), p. XXIV — «*servi — akermani*». Точно так же, как не все держатели «*terre villanorum*» были в прошлом лично свободными людьми, нельзя всех бовариев считать юридически обязательно сервами, боварии могли «рекрутироваться» и из рядов свободных. Ср. *Leis Willelme*, c. 17. Ср. *Chronicon Petroburgense* (ed. Th. Stapleton), fol. VIII.

⁴⁹ См. *Chronicon Petroburgense* (ed. Th. Stapleton), fol. XI.

⁵⁰ *Rotuli Hundredorum*, Vol. II, p. 602.

⁵¹ DB. Vol. I, fol. 204 b.

⁵² *Chronicon Petroburgense*, fol. VIII. «*Homines (!) qui serviunt extra domos patrum suorum dant (domino) pro capite suo unusquisque I denarium*». Позже этот платеж под названием «*chevagiум*» будет рассматриваться как признак рабства. Ср. *Placita anglo-normannica*, p. 96. Указ Генриха I. *Facias habere F. abbati omnes homines suos qui de terra sua exierunt*. Цит. по P. Vinogradoff. *Villainage in England*, p. 86.

⁵³ См. *Leis Willelme*, c. 7.

имеет место исключительная путаница понятий. Отсюда всеми отмечаемая «сложность» и «темнота», «косноязычие» юридических компиляций конца XI — начала XII века⁵⁴. Представление о том, насколько усложнилась юридическая градация держателей, дают писцовые книги начала XII в.: вилланы — лично «свободные люди» — оказываются на сервильных наделах домена точно так же, как сервы на «земле вилланов». Отношения «свободы» и «серважа» переплелись в сложный клубок, менявший свою юридическую окраску в зависимости от той точки зрения, с которой его рассматривали. В этом смысле манориальные описи XII в. явились следующим за Книгой Страшного суда шагом по пути к преодолению унаследованного от англо-саксов противоречия. Они окончательно отбросили традиционную публично-правовую градацию людей манора и воспроизводят лишь градацию «держательскую», основанную на сословной природе рентного отношения. Таким образом, оставалось сделать последний, решающий шаг — превратить царившие в маноре производственные отношения в принцип «общего права», в положительный закон.

Попробуем проследить этот последний и заключительный этап в генезисе вилланства «общего права» по памятникам права конца XI — первой половины XII века. Наиболее важными источниками для этой цели являются два сборника действующего права начала XII в. — так называемые «законы Вильгельма» (*Leis Willelme*) и «законы Генриха I» (*Leges Henrici I*). Первое, что привлекает наше внимание в «законах Вильгельма», — это то обстоятельство, что вилланы фигурируют здесь среди формально свободных людей. Более того, они рисуются как люди, «владеющие землей». Свободному человеку (*liber homo*) здесь противопоставлены не просто юридически признанные сервы, а экономически обозначенная категория держателей, лишенных своей земли, так называемых *bordarii*, *bubulci*, *servientes*, сидящих на домене⁵⁵. Герриот виллана — платеж, ставший позже сервильным, — еще почетно назван рельефом наряду с рельефом графа, барона и вассала (*vavassur*)⁵⁶. Именно в качестве свободных людей вилланы входят в «десятки свободного поручительства»⁵⁷. Однако в тех же «законах Вильгельма» мы находим раздел, трактующий о людях манора с совершенно иных позиций. Статьи этого раздела (29—31)⁵⁸ проливают значительный свет на те пути, которыми преодолевалось противоречие между общим публичным правом и правом манориальным.

Наиболее важным во всех этих статьях, содержащих первое (после 1066 г.) законодательное регулирование крестьянско-помещичьих отношений (по крайней мере следы такого регулирования) в английском маноре, нам представляется сопоставление терминов «*Coloni*» (*Cultivurs*) и «*Nativi*» (*Naifs*). Вопрос состоит в том, обозначали ли они две юридически различные категории держателей, наподобие антитезы «*Liberi — servi*» традиционного права (в этом случае в лице первых (*Coloni*) должны были бы выступать вилланы Книги Страшного суда, а в лице вторых (*Nativi*) — сервы той же описи)⁵⁹, или в анализируемых терминах «законов Вильгельма» отразилась уже сеньериальная градация держателей, и в таком случае нам лишь предстоит выяснить, в каком отношении эти термины находятся в терминологии Книги Страшного суда.

Ответ на вопрос может быть дан лишь после анализа смыслового

⁵⁴ F. Pollock and F. W. Maitland. Указ. соч., стр. 97.

⁵⁵ *Leis Willelme*, с. 17; ср. там же, 17. 1.

⁵⁶ Там же, с. 20. De relief a cunte; 20. I De relief a barun; 20, 3 De relief a villain.

⁵⁷ Там же, с. 20, За. Ср. *Willelmi I. Articuli*, с. 8.

⁵⁸ См. F. Liebermann. Указ. соч., стр. 512—513.

⁵⁹ Очень заманчиво видеть в этих терминах именно такое противопоставление, тем более, что в одном случае источник как будто дает для этого прямой повод (см. *Leis Willelme*, с. 20.4, где рельеф «колона» противопоставляется рельефу вилланов). Однако этому, как мы увидим, противоречит текст анализируемых статей «законов», впрочем, весьма запутанный.

значения интересующих нас терминов в тексте самих «законов Вильгельма». Термин «coloni» на английской почве не привился, или, точнее, этот термин был лишен здесь какого-либо определенного юридического содержания⁶⁰ и употреблялся только в смысле «rustici», «cultores» и т. д.⁶¹. Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить французский и латинский тексты статей 29 и 30, 1—31 «законов Вильгельма»:

С. 29. «Тех, кто обрабатывает землю, не следует принуждать к повинностям сверх причитающегося с них чинша».

С. 30, 1. «Если земледелец (крепостной по рождению) покинет землю вотчины, в которой он родился, и перейдет в другую вотчину, никто не должен укрывать ни его, ни его имущество, но его следует отправить обратно к несению лежащих на нем повинностей».

С. 31. «Если же сеньеры не отошлют чужих земледельцев обратно в оставленную ими вотчину, это сделают (королевские) судьи».

Если исходить из буквального смысла текста этих статей, то мы вправе усмотреть в термине «coloni» категорию держателей, включающую Naifs как составную часть, подобно тому, как родовое включает видовое, общее — частное. Что же касается Naifs, то это уже крепостная часть «cultores». Они крепки к земле, на которой родились (de sa terre, dunt il est pez), их статус передается по рождению. Если coloni в целом не должны сгоняться с земли, пока они исправно отправляют повинности, то Naifs уже не могут уйти с земли господина: они рассматриваются как ее принадлежность. Но если даже допустить, что в данном и единственном случае термин «colonus» имеет значение юридическое⁶² — свободного держателя (что противоречит всему дальнейшему словупотреблению данного термина в Англии), то и тогда соотношение «держательской терминологии» анализируемых статей с терминологией Книги Страшного суда не потеряет своего познавательного значения.

Прежде всего нельзя не отметить тот факт, что «Leis Willelme» в данном разделе не знают рабов (servi). Если исключить рабов из числа «coloni», то не потребуются особых доказательств, что их следует искать среди Naifs (ст. 30, 1). Гораздо труднее решить вопрос о месте (в этих статьях) вилланов Книги Страшного суда. Они не просто coloni, rustici, они должны быть определены более точно: не только как «cultivurs de lur terre», но и как «altri gainurs» («cultores ad terras [domini] colendas»). Соотношение этих двух сторон термина «villanus» Книги Страшного суда во многом соответствует соотношению терминов: «cultivurs» и «Naifs» «законов Вильгельма».

Нам представляется очевидным, что «законы Вильгельма» в данном разделе — даже при самом осторожном варианте толкования — не делают различия между villani и servi (в том смысле, как это делает Книга Страшного суда), а самое большее — проводят «демаркационную линию» в среде самих «вилланов». Итак, независимо от того, какое толкование указанных статей «Leis Willelme» считать предпочтительным — текстуальное или юридическое, — «villani» окажутся в одном «разряде» с servi, точнее, включают их как составную часть. Решение этого вопроса столь важно для понимания всей последующей истории вилланства, что на нем следует остановиться подробнее. Книга Страшного суда везде находит «класс» вилланов — по характеру рентных отношений, но не все они имели одинаковый личный статус (с точки зрения публичного права). В этой связи

⁶⁰ Cp. A. Luchaire. Manuel des institutions françaises. Paris. 1892, p. 298.

⁶¹ Cp. Dialogus de Scaccario (ed. Charles Johnson). London 1950, p. 53. «...Colonos per quos agricultura posset exerceri».

⁶² A. I. Robertson (The Laws of the Kings of England. Cambridge. 1925, p. 369—370) склонен противопоставить эти две категории держателей, видя в первых свободных держателей. F. Liebermann (указ. соч., стр. 512) гораздо осторожнее. «Cultivurs» он переводит «Bauern», «Naifs» — «die horigen Eingeborenen».

заслуживают внимания те исторические экскурсы по вопросу о вилланстве, которые мы находим в «Диалоге о казначействе»⁶³ и в особенности в трактате Брактона⁶⁴. Как известно, Брактон различает на старинном домене короны «вилланов» сервильного происхождения и «вилланов» лично свободных, которые не могут быть согнаны с земли, пока они исправно отбывают повинности, почему он и называет их «*Glebae adscripticii*». Однако они имеют право покинуть землю, когда захотят (*et nihilominus Liberi*). Далее Брактон называет свободных, являющихся вилланами только по роду повинностей, взятых на себя «по договору». Итак, если для XIII в. «*villani*» и «*Nativi*» — термины юридически неразличимые, то это уже результат их последующей эволюции. Можно даже допустить, что они не различались уже в правосознании второй четверти XII в., то есть ко времени, когда был сделан латинский перевод указанных статей «законов Вильгельма». Однако к концу XI в. эти термины еще не были равнозначны с точки зрения «публичного права»⁶⁵. Вместе с тем не может быть ни малейшего сомнения в том, что в «законах Вильгельма» к «*Naifs*» отнесены не только *servi* Книги Страшного суда, но и, по крайней мере, часть из тех держателей, которые фиксированы в последней как *villani*, *bordarii*, *cotarii*. Если столь совпадающие по смыслу сообщения автора «Диалога» и Брактона об изгнании после завоевания изначально свободных земледельцев со своих наделов и о принуждении их войти в соглашение с лордами, чтобы вернуться к своей земле уже на вилланских повинностях, свидетельствуют о том, что значительное число вилланов могло быть названо «*cultivurs*», «*altri gainurs*», но не могло еще быть названо в «законах Вильгельма» «*Naifs*», то масса других, с точки зрения манориального права, воспроизводимого в «*Leis Willelme*», уже вне всякого сомнения носила этот стигмат рабства.

Что же касается последующей истории вилланства, то, поскольку она относится к средней Англии (*midlands*), существо ее заключается не в том, что свободные земледельцы со временем стали крепостными (последняя сторона вопроса особенно важна при изучении судеб того значительного слоя сокменов, которые были в конце XI в. фиксированы в области «датского права»⁶⁶), а в том, что вилланы Книги Страшного суда, уже крепкие земле, в конце XI в. превратились в «сервов» общего права. Этот процесс, естественно, мог быть только двусторонним: социальным возвышением сервов и социальным принижением вилланов. За отсутствием места мы укажем лишь его наиболее важные вехи. Процесс этот отчетливо прослеживается в юридической компиляции начала XII в., в так называемых «законах Генриха I», где очевидно, что сервы получили юридически признанных родителей и, следовательно, приобрели правона «вергельд»⁶⁷.

Исчезновение граней между «свободным» и «сервильным» держателем манора в реальной действительности отразилось в росте числа смешанных браков. Последние стали, по-видимому, столь распространенным явлением, что «законы Генриха I» в ряде статей регулируют казусы, возникавшие при определении статуса детей от таких браков⁶⁸.

Значительный интерес представляет и тот раздел «законов Генриха I», в котором регулируется освобождение раба и порабощение свободного⁶⁹. И здесь перемены по сравнению с «традиционным» правом англо-

⁶³ *Dialogus de Scaccario* (ed. Johnson), p. 54.

⁶⁴ См. *fol.* 7—7b. См. комментарий у Виноградова (*Villainage in England*, p. 121).

⁶⁵ F. Liebermann. Указ. соч., кн. III, стр. 286.

⁶⁶ Многие сокмены (вероятно, большинство) уже в 1086 г. не могли «уходить» «с наделом» от данного господина. См. *Inquisitio Comitatus Cantabrigiensis* (ed. N. Hamilton), p. 117.

⁶⁷ *Leges Henrici I.* c. 74,4 *si liber servum occidat... reddat parentibus XL den. ср там же, с. 70, 2.*

⁶⁸ Там же, сс. 77,1, 77,2.

⁶⁹ Там же, сс. 76,3, 78.

саксов являются весьма поучительными. Оказывается, переход в серваж («самопорабощение») был возможен не только в публичном присутственном месте, но и в собрании манориальной курии («Halimot»). Тот же, кто принимает к себе раба, именуется *possessor*⁷⁰. Следовательно, правомочия, необходимые для оформления серважа, были связаны с землевладением. Очевидно, что статус серва к началу XII в. уже в значительной мере «феодализировался»⁷¹. Вытекавшие из этого статуса правоотношения фактически стояли в одном ряду с другими формами эксплуатации поземельно зависимых разрядов крестьян-держателей. Косвенное свидетельство этого мы видим в том, что юридический статус жителя деревни был временами настолько не ясен⁷² даже для его ближайшего окружения, что одного и того же человека можно было выдать по желанию господина то за раба, то за свободного⁷³.

Социальные последствия нормандского завоевания в такой же степени содействовали возвышению статуса сервов, в какой они с неизбежной необходимостью все более низводили по социальной лестнице вилланов к положению сервов. Если иметь в виду терминологию англо-нормандских законов, передающих «*Twyhindi*» термином «*villani*», то вилланы в этих законах хотя и признаются «свободными», тем не менее отчетливо выступают уже как «неполноправные» свободные. Так, согласно «законам Генриха I», вилланы уже не являются (употребляя позднейшую формулу) *Liberi et legales homines*. Они потеряли способность судить о том, «что гласит закон», то есть одну из важнейших черт полноправия «старосвободного» кэрла, и поэтому исключены из числа «*Judices regis*»⁷⁴.

Образование в конце XI — начале XII в. мощного слоя феодалов — субдержателей, лордов разрозненных маноров или крупных держателей внутри их — в корне изменило социальное содержание понятия свободы. Оно стало чисто феодальным. Недаром «*Liber homo*» в юридических компиляциях этого времени все чаще идентифицируется с держателем на рыцарском праве⁷⁵. «*Twyhyndi*» же оказываются в сравнении с ними лишь «бедными» и «малозначащими» людьми — *Smalemanni*, как они названы в «свитках казначейства» («мелкими людьми»), само имущественное положение которых более не соответствует статусу свободного⁷⁶ (хотя формально-юридически они все еще «свободны»).

Возможно, самая далеко идущая перемена в положении виллана заключалась в том, что в XII в. его стали рассматривать как подданного (*subditus*) манориального лорда не только в том случае, когда речь шла о фискальных платежах, связанных с землевладением, но и с точки зрения юрисдикции⁷⁷. Если для «законов Вильгельма» возможность предъявления держателем иска против нарушившего «договор» лорда является еще обычным явлением⁷⁸, то в «законах Генриха I» такая

⁷⁰ Там же, сс. 78, 78,2.

⁷¹ Для феодальной трактовки серважа характерна «символика» этой формы зависимости. См. там же, с. 78,2с, *servitutis arma... billum vel stumblum... succipiat*. Недаром этот символ «порабощения» — вручение «обращенному» вил или пастушеского посоха — стал впоследствии одним из признаков вилланства. Ср. *Curia Regis Rolls*. Vol. I, p. 22, 313 etc.

⁷² *Leges Henrici I*, c. 78,2a.

⁷³ Там же, с. 78, 2 b. «*Quia multi potentes volunt defendere homines suos modo pro servo modo pro libero*». Ср. II Cnut, c. 20, 1.

⁷⁴ Там же, сс. 29, 29,1.

⁷⁵ Там же, с. 82—83. *Leg. Edw. Conf.*, c. 12,4 «*Liber homo*» постепенно сливается с «*Liberalis homo*». См. *Pseudo-cnut de Foresto*, c. 15; «*Bonda*» в передаче так называемого «*Instituta Cnuti*» значит «*pauperi homines*». См. F. Liebermann. Указ. соч., кн. I, стр. 315. Ср. II. Сп. s. 8; *Magnus Rotulus de Scaccario* 31. Н. I (ed. Joseph Hunter. London. 1833, p. 71).

⁷⁶ *Assisa de Clarendon* (1166), c. 20 (W. Stubbs. *Select charters*. Oxford. 1870, p. 139). «*Prohibet... Rex ne monachi... recipient aliquem de populo minuto*». Ср. *Leg. Edw. Conf.*, c. 12, 4 *Leges. Henrici I*, c. 70.

⁷⁷ *Leges Henrici I*, cc. 20, I a, 20, 2, 27, 61, 9.

⁷⁸ *Leis Willelme*, c. 23.

практика уже совершенно исключена⁷⁹. Более того, господин уже выступает как судья в своем собственном деле (в тяжбе со своим человеком), как судья, имеющий значительные возможности для произвола⁸⁰. Это является свидетельством не только роста сословного неполноправия вилланов в сфере «публичного» права, но и все большего ущемления их гражданской правоспособности в сфере права «частного». Поземельная зависимость и манориальная юрисдикция оказались теми двумя факторами, которые больше всего содействовали приведению юридического статуса виллана в соответствие с его статусом социально-экономическим.

Уже в юридических компиляциях первой половины XII в. виллан выступает в основном как подданный вотчины и лишь в относительно узкой области уголовного права еще остается подданным короля. Виллан — крепостной манора; под угрозой насильственного водворения на прежний надел⁸¹ он не может искать другого лорда; в противном случае, кто выплачивает только денежный ценз⁸², он отбывает барщину. Над вилланами бесчинствует бейлиф манора, но жаловаться на него можно только господину — лорду манора; их имуществу может быть нанесен ущерб фирмарием; лорду манора они выплачивают штрафы за мелкие уголовные преступления и «аморальное» поведение⁸³.

Последнюю ступень в падении социального статуса виллана можно проследить в так называемых «лесных законах» — «Pseudo-cnut de Foresta». В этой компиляции, составленной, вероятно всего, во второй половине XII в.⁸⁴, вилланы, как и в Pipe Rolls 1130 г., названы «*minuti homines*» — терминология, в какой-то мере отражавшая скорее прошлое, чем настоящее. Среди них можно различить и «свободных» и «сервов»⁸⁵. Но это уже совершенно малозначачее в реальной действительности различие. Последняя знает уже основное классовое деление общества феодальной эпохи. Человек может быть феодальным собственником, то есть «*Liberalis homo*»; он может быть держателем, так или иначе втянутым в рутину манориального хозяйства, тогда он «*homo illiberalis*». Но каков юридический статус этого человека с точки зрения «древнего права», уже неважно. Для правосознания Англии второй половины XII в. он «*servus*». Так появилась знаменательная антитеза: «*Liberalis et illiberalis — domini et servi*»⁸⁶. Вилланы и сервы слились в единую, с феодальной точки зрения, неразличимую массу — «*rustici*»⁸⁷.

Однако вплоть до реформ Генриха II наряду с этим уже чисто феодальным принципом права, господствовавшим в практике манориальных курий и постепенно пробивавшим себе дорогу в право публичное, все еще продолжалась традиция древнего «народного права», противоречившая новой социальной действительности и тормозившая ее окончательное и безраздельное торжество.

Историческое значение реформ Генриха II в том и заключалось, что они окончательно устранили это очевидное противоречие между реальными экономическими отношениями в обществе и «обобщением» их

⁷⁹ *Leges Henrici I*, cc. 32, 55; *Leg. Edw. Conf.*, c. 24, 4.

⁸⁰ *Leg. Edw. Conf.*, c. 9, 1.

⁸¹ *Leges Henrici I*, c. 43, 2. Ср. в отношении вассала. Там же, c. 55, 3b.

⁸² *Leis Willelme*, c. 20, 4. Там же, c. 20, 3.

⁸³ *Leges Henrici I*, c. 56, 4; c. 56, 3; c. 81, 3. Ср. *Domesday Book I*, fol. 204 аа.

⁸⁴ F. Liebermann (указ. соч., Т. III, § 336, стр. 1185) датирует их 1130—1217 годами.

⁸⁵ *Pseudo-cnut de Foresta*, c. 4. *sint duo minorum hominum quos tunman Angli dicunt*; там же, c. 5. *Si talis minutus servus.*

⁸⁶ Там же, c. 21.

⁸⁷ Ricardus de Monte (A. D. 115—9). «*Rex... iturus in expeditionem... nolens vexare agrarios milites nec burgenses nec rusticorum multitudinem*». Цит. по W. Stubbs. Указ. соч., стр. 122.

в «общем праве», поскольку это еще было «право англо-саксов»⁸⁸. Они закончили с дуализмом в праве и завершили структуру феодального «общего права» в наиболее важном его разделе — разделе, регулировавшем основное производственное отношение в стране. Но эти реформы, как мы видели, ничего не создавали заново. Они возвели в принцип общего права те отношения, которые давно уже сложились в «типических» манорах, рассеянных по большей части страны. Иначе говоря, они превратили социальную практику в положительный закон. Тем самым отношения между антагонистическими классами стали в праве столь же завершенными и универсальными, как и отношения внутри иерархии феодальных собственников.

В отличие от множественности и разнородности феодальных производственных отношений, господствовавших в странах континента, в Англии благодаря стечению ряда обстоятельств эти отношения были постепенно столь унифицированы, что во многом приблизились к практике стран так называемого второго издания «крепостного права».

Итак, процесс становления английского крепостничества рисуется нам следующим образом. Основу этого процесса составляло реальное отношение эксплуатации лично зависимого земледельца к земле и ее феодальным собственникам.

С этой точки зрения вилланство сложилось в Англии не только к моменту составления Книги Страшного суда, но и к моменту нормандского завоевания. Нормандские лорды, таким образом, являлись лишь правопреемниками своих англо-саксонских предшественников. Структура англо-саксонского сельского общества была уже в рамках обычного (поместного) права столь унифицирована к 1066 г., что завоевателям представилась возможность довольно адекватно отразить ее в обобщенной формуле описей DB. Что осталось на их долю — так это необходимость преодолеть дуализм староанглийского права: очевидное несоответствие между правом поместным и отстававшим от него правом королевским, общим.

Иначе говоря, роль завоевания здесь свелась к «переводу» реальных отношений на язык развитого феодального права, что в условиях централизованного английского государства произошло прежде всего в виде постепенной «рецепции» норм манориального права в общее право страны. В этом и заключалась сущность завершающей стадии процесса становления английского крепостничества в конце XI и в XII веке. Этот «перевод», несомненно, усугубил тяжелое положение основной массы крестьянства. Однако в пределах среднеанглийских графств он ничего заново не создавал. С другой стороны, то обстоятельство, что villanus в DB — термин манориального права, а villanus писцовых источников XIII в. — термин общего права, не должно заслонять от нас кардинальный факт: тождественность роли класса, им обозначаемого, в процессе феодального производства.

⁸⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 428, Энгельс — К. Шмидту, 27 октября 1890 года. «Таким образом, ход «правого развития» состоит по большей части только в том, что... пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую систему права».